

Алексей Моторов
Юные годы
медбрата Паровозова

Алексей Моторов
Юные годы
медбрата Паровозова

издательство **аст**
москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
М85

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

В оформлении обложки использованы рисунки из творческого наследия
СЕРГЕЯ СТЕПАНОВА

Издательство благодарит ОЛЬГУ ВЕЛЬЧИНСКУЮ за предоставление
рисунков С. СТЕПАНОВА из своего собрания

Моторов, Алексей.
М85 Юные годы медбрата Паровозова / АЛЕКСЕЙ МОТОРОВ. — Москва : АСТ :
CORPUS, 2015. — 512 с.

ISBN 978-5-17-090238-5

Сюжет этой книги основан на подлинных фактах. Место действия — предпрестрочная Москва с ее пустыми прилавками и большими надеждами. Автор, врач по профессии, рассказывает о своей юности, пришедшей на 80-е годы. Мечта о поступлении в институт сбылась не сразу. Алексей Моторов окончил медицинское училище и несколько лет работал медбратом в реанимационном отделении. Этот опыт оказался настолько ярким, что и воспоминания о нем воспринимаются как захватывающий роман, полный смешных, почти анекдотических эпизодов и интереснейших примет времени. Легко и весело Моторов описывает жизнь огромной столичной больницы — со всеми ее проблемами и сложностями, непростыми отношениями, трагическими и счастливыми моментами, а порой и с чисто советскими нелепостями.

Имена и фамилии персонажей изменены, но все, что происходит на страницах книги, происходило на самом деле.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-090238-5

© А. Моторов, 2012
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
© ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Запасной выход	14
Кавказская пленница	31
История про Таню Богданкину, пельмени и архангельского мужика	57
Минотавр	70
Моя жизнь в кино, “еврейская рожа” и магия числа 7	92
Чернильный штамп	112
<i>Лирическое отступление № 1. Про моего дядю, заграничную жизнь, туркменских хлопкоробов и автомобиля “Волга”</i>	<i>132</i>
Первая халтура	156
Легенда Большой Пироговки	170
Уроки Абхазии	178
Осень	204
Подходящий срок	214
<i>Лирическое отступление № 2. Про то, что деньги лучше хранить в сберегательной кассе</i>	<i>226</i>

Визит	237
28 ноября 1986 года	241
Лучшее время	260
Кроссовки “аидас”	276
Ретроградная амнезия	299
Анальгин с димедролом	312
Коза на веревочке	327
История про Толю Мерзавкина, общую тетрадку и стиральный порошок “Новость”	337
Мандариновая трава	359
Большие перемены	366
На графских развалинах	379
<i>Лирическое отступление № 3. Про то, как маленький Сар построил коммунизм в одной отдельно взятой стране</i>	<i>406</i>
Ожог	416
Тяжелые ботинки	426
Павловская собачка	445
Сереза	450
Нить Ариадны	464
Красные плюсики	480
Nic et nunc	506
<i>Слова благодарности</i>	<i>510</i>

Моей жене Лене

*Одаренный пламенной душой,
Жюльен обладал еще изумитель-
ной памятью, которая нередко
бывает и у дураков.*

СТЕНДАЛЬ
*Красное и черное*¹

¹ Перевод С. Боброва и М. Богословской.

Очень глубоко. Настолько, что сюда не проникают солнечные лучи. Надо мной километр вязкой, густой, черной воды. С такой глубины невозможно вынырнуть, и я даже не пытаюсь. Вокруг меня абсолютная, непроницаемая тишина. Так не бывает, ведь на любой глубине можно что-нибудь услышать. Просто кто-то невидимый выключил звук.

Я знаю, чтобы не спугнуть это черное безмолвие, нельзя даже думать. И сразу, словно в ответ, где-то там, высоко, светлеет. Мягким, бархатным прикосновением начинается мой подъем к далекому мерцающему своду.

Вода уже не черная, сейчас она как свинцовое грозовое облако. Но и облако быстро меняется, покрывается сединой. И вот уже могучая сила выталкивает меня, с каждой секундой ускоряя движение в зеленеющей воде, стремительно приближая к чему-

то невероятно яркому, ослепительно-белому, такому, что невозможно выдержать. А тишина еще со мной, хотя я уверен — ненадолго.

Сейчас больше всего мне хочется туда, навстречу свету, к первому резкому вздоху, к тому чувству высвобождения, которое почему-то давно знакомо.

За несколько мгновений до того, как я прорываюсь к слепящему солнцу, что-то заслоняет его. Передо мной возникает картинка. Даже не картинка, а фотография. Сначала маленькая. Но она быстро увеличивается. Вот уже совсем большая. Очень знакомая. Трое на фоне моря. Девушка, парень и ребенок. Кажется, я видел их когда-то, но теперь не узнаю. Еще немного — и я вспомню. Сейчас. Лица всё ближе. Свет вокруг меня медленно гаснет. Лишь фотография остается горящим экраном.

На снимке отчетливо проступают белые буквы, они выписаны очень причудливо. Разобрать трудно, но я уверен, что читал эту надпись раньше. “СУХУМИ-86”. Она должна означать что-то важное для меня. Конечно, мне уже почти удалось узнать, это же...

И я выныриваю. Удивительно, тут нет криков чаек, шума волн, шелеста откатывающейся гальки, детского смеха.

Вместо этого какой-то огромный и спокойный голос произносит:

— КОТОРЫЙ ЧАС?

Невероятно трудно понять смысл сказанного, хотя, наверное, тут нет никакого смысла. И когда я

уже схватил убегающее эхо, другой голос, тоже уверенный и сильный, мягко разжимает мою руку с обрывками слов:

— СЕМНАДЦАТЬ ПЯТНАДЦАТЬ!

Как же приятны, оказывается, могут быть голоса. Необязательно понимать, что они говорят, сам звук их прекрасен, он мягко качает, переполняя меня неизведанным раньше восторгом.

Такое хочется слушать и слушать, и, видимо, понимая это, первый голос снова приходит из своего ниоткуда:

— ПОРА ЗАКРУГЛЯТЬСЯ. ШЬЕМ!

Мне необходимо увидеть тех, кто говорит. Кто произносит эти удивительные и красивые слова.

И вдруг отчетливо понимаю, что мои глаза закрыты. Не просто закрыты — на них давит тяжелый груз. И кроме этих голосов, никто на свете не сможет сдвинуть его.

— Помогите открыть глаза! — прошу я, но получается только протяжный и громкий стон.

И тогда возникает третий голос, самый главный, заполняющий все вокруг, не оставляя ни сантиметра пустого пространства:

— ОН ПРОСЫПАЕТСЯ. ЕЩЕ ФЕНТАНИЛ!

Запасной выход

На столе надрывались оба телефона, городской и местный. Городской был красного цвета, местный — серого. Местный звонил в тональности ля, а городской — в ля-диез. Интересно, какой из них замолчит первый? Да наверняка местный.

Первым заткнулся городской. Местный выдал еще две мажорные трели и тоже утомился.

Мы с Лидией Васильевной синхронно вздохнули.

Я работаю в отделении пятый год, а в кабинете у Суходольской всего второй раз. Визит в кабинет заведующей означает серьезный разговор. Первый такой случился года три назад. Тогда она снимала с меня и Вани Рюрикова стружку, причем с Вани заочно.

Абсолютно не по делу. Я сел с язвой на больничный, но жирная Танька Лаптинова, наша сестра-хозяйка, пустила слух, что мы с Ваней гуляли на чьей-то свадьбе. Ни много ни мало — неделю. За Сухо-

дольской водилось подобное — она иногда верила в самые невероятные вещи. Когда долго работаешь в реанимации, поневоле становишься мистиком.

Не успел я выйти на работу, как был вызван на ковер для дачи показаний. Ивану повезло, он успел в отпуск свалить.

— Леша, есть сведения, что ты специально взял больничный, чтобы пойти на свадьбу с Рюриковым! — скрестив на столе руки и уставившись в бумаги перед собой, начала Лидия Васильевна. — Что скажешь?

— Что скажу? Скажу, что вы не первая, кто из самых лучших побуждений пытается связать нас брачными узами, но... — Я выдержал трагическую паузу и продолжил: — Но увы! Я несвободен, да и Ваня женат. Что же нам делать, Лидия Васильевна? Может быть, местком подключить?

— Моторов! — с деланным возмущением воскликнула Суходольская, хотя я видел, что она еле сдерживается, чтобы не расхохотаться. — Скажи, ты можешь быть хоть минуту серьезным?

— Могу! — поклялся я. — Могу, Лидия Васильевна, но только за большие деньги!

— Уйди, Лешка! — взмолилась Суходольская. — Уйди с глаз долой и только попробуй попадись с сигаретой, язвенник!

Но это было давно, а сегодня инициатива встречи принадлежала мне. Начальство всегда боится разго-